

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.9

EDN: GDNIPL

Профессионально-образовательные ориентации студентов как индикатор субъектности в сфере высшего образования (на примере вузов Нижнего Новгорода)

Ссылка для цитирования: Фатенков А. Н., Ситникова И. В. Профессионально-образовательные ориентации студентов как индикатор субъектности в сфере высшего образования (на примере вузов Нижнего Новгорода) // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 2. С. 132–150. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.9; EDN: GDNIPL.

For citation: Fatenkov A. N., Sitnikova I. V. Professional and educational orientations of students as an indicator of subjectivity in the field of higher education (on the example of universities in Nizhny Novgorod). *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 132–150. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.9; EDN: GDNIPL.

SPIN-код: 6226-1098

Фатенков Алексей Николаевич^{1,2}

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;

²Приволжский исследовательский медицинский университет, Нижний Новгород, Россия
fatenkov@fsn.unn.ru

SPIN-код: 6437-9284

Ситникова Ирина Викторовна¹

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

april@fsn.unn.ru

Аннотация. Предмет исследования данной статьи находится на пересечении проблемных областей субъектности и состояния высшего образования в современной России. Авторы стремятся к решению двуединой задачи. Контекстуально, в философско-социологической проекции используя понятие «индикатор субъектности» и очерчивая его смысловые границы, инструментально связать его с определенными эмпирическими методиками и полученными по ним фактическими данными, относящимися к изучению профессионально-образовательных ориентаций студентов. Рассматриваемая в данной статье область субъектности на нижнем своем уровне граничит с областью посредничества, на верхнем – с областью личностной. Авторы приводят аргументы в пользу того, что социологический инструментарий корректно

приложим к исследованию субъектных, но не личностных качеств. Проясняется также характер погрешности при замерах уровня субъектности у индивидов и в социальных группах. В сфере высшего образования уровень субъектности определяется комбинацией показателей от двух составляющих: профессорско-преподавательской и студенческой. Профессионально-образовательные ориентации студентов, по мнению авторов, могут рассматриваться как надежный индикатором субъектности в данной социальной группе. Эмпирической базой статьи служит полевое исследование, проведенное в вузах г. Нижний Новгород. Методом анкетного опроса изучались мотивации студентов ведущих вузов города касательно получения высшего образования, выбора вуза и направления подготовки, а также предпочтений в отношении будущей сферы деятельности. В результате анализа были выделены пять групп студентов с различными мотивационными ориентирами. Три группы с четкой, вполне осознаваемой профессионально-образовательной стратегией: с ориентацией на востребованность профессии на рынке труда, на преимущества высшего образования как такового, на реализацию собственных способностей и наклонностей (последняя определена авторами как «аутентично субъектная группа»). А две группы – с размытой, не вполне осознанно выстраиваемой профессионально-образовательной траекторией (с дрейфом от полюса субъектности к полюсу посредничества). В результате исследования сделан вывод о недостаточно высоком уровне субъектности у современной студенческой молодежи, указывается социальная причина этой недостаточности.

Ключевые слова: субъектность, уровень субъектности, индикатор субъектности, сфера образования, студенческая молодежь, профессионально-образовательные ориентации студентов, философско-социологический контекст

Введение

Проблема субъектности традиционно актуальна для социальной теории и практики. Ее продуктивное решение возможно, очевидно, только при обращении к конкретному эмпирическому материалу из разных сфер общественной жизни. Сфера образования здесь, несомненно, является одной из наиболее значимых. В ней обнаруживается ряд проблемных областей, прямо или косвенно детерминируемых определенным уровнем субъектности обучающихся и обучаемых. Так, острое беспокойство у экспертного сообщества и работодателей вызывают недоработки образовательных учреждений в сфере профессиональной ориентации молодежи. Таковые недоработки показаны в монографии М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги [3]. Авторы настоящей статьи сочли целесообразным взять предметом исследования проблемную область, возникающую на пересечении вопроса о субъектности с вопросом профессионально-образовательных ориентаций студентов вузов. Несмотря на наметившийся в последние годы возрастающий интерес молодежи к среднему профессиональному образованию, сегмент студенчества продолжает оставаться количественно большим: 4,3 млн человек против 3,6 млн человек в системе СПО по ситуации на 2022 г. [6]. Концептуально увязав в «теоретических выкладках» основные элементы понятийного аппарата, авторы накладывают его на апробированные эмпирические методики и полученные на их основе фактические данные.

Теоретические основания исследования

Образование как таковое, не умаленное отношениями купли-продажи (не превратившееся в систему «образовательных услуг») и не редуцированное к тривиальным политико-идеологическим нуждам, априори ориентировано как максимум на личность (и обучаемого, и обучающего), на ее формирование и развитие, как минимум – на субъектность индивидов, включенных в процесс обучения и воспитания. Под субъектностью здесь и далее понимается сущность и/или предельно адекватное состояние субъекта, теоретически и эмпирически идентифицируемые через экспликацию контекстуально ранжируемых субъектных качеств. В контексте профессионально-образовательных ориентаций студентов на роль приоритетного субъектного качества оправданно претендует способность к самостоятельному принятию решений¹. Субъектные качества выступают основой личностных (экзистенциальных) качеств. Личностью становится субъект, обнаруживающий себя в пространстве фундаментальных человеческих ценностей (в координатах добра, истины и красоты), уникальным образом присутствующий и проявляющий себя в этом пространстве². Субъект в свою очередь онтологически опознается как активный центр, способный к трансцендированию, то есть к выходу за собственные пределы, и к возвращению к самому себе³.

Фундированность личностного субъектным встроена в иерархически очерченную рамку. Для индивида и группы индивидов имеется определенный пороговый уровень субъектности, только при достижении и удержании которого возможно становление и укрепление личностного начала. Повышение уровня субъектности ведет к потенциальному росту личностного в индивидах и их сообществах. Снижение уровня субъектности ведет к актуальному упадку личностного начала.

В своем умалении и падении субъект отнюдь не всегда скатывается к функционалу объекта с его сущностной пассивностью и периферийностью, с алгоритмичкой марионетки. Подобное – и скорее все же в некоем пределе – характерно для тотальных рыночных отношений и беспросветной политической деспотии. Чаще же всего субъект, отступаясь от себя, соскальзывает в область посредничества, соглашаясь на роль всего лишь транслятора не им инициированных смыслов и действий. Если у субъекта всякая внешняя активность проистекает из активности внутренней, остающейся для него в приоритете и, как правило, не нуждающейся в под-

¹ В монографии Д. Л. Константиновского, Е. Д. Вознесенской, Г. А. Чередниченко субъектность расшифровывается как «самостоятельность, целеустремленность, мотивированность, способность самостоятельно принимать и целеустремленно реализовывать решения...» [5].

² Мы намеренно не вступаем в неизменно полемичный разговор о соотношении понятий «индивид» и «личность». Наше внимание сосредоточено на соотношении понятий «субъект» («индивид как субъект») и «личность» («индивид не только как субъект, но и как личность»). В очерченном контексте с уверенностью можно утверждать, что личность содержательнее и статуснее субъекта.

³ Авторский взгляд на онтологию и онтогносеологию субъекта представлен в ряде работ, в частности [12].

черкнутой демонстративности, то у посредника, напротив, доминирует сугубо внешняя, презентационная активность, тогда как внутренние содержательные импульсы сходят на нет.

Французский медиолог Режи Дебрэ, куда более благожелательно в сравнении с авторами настоящего текста относящийся к феномену посредничества (оно, дескать, непременно предполагает «преобразование-преображение» передаваемого), открыто признает тем не менее, что посредник-медиатор лишен личностных и вещных качеств. Медиатор – не только не личность и не субъект, но даже и не вещный объект; это перекресток в системе отношений, «это место и функция в диспозитиве переноса» [4, с. 203].

Личностные качества, с их неотъемлемым эксклюзивом, не вмещаются в поле действия статистики, выпадают из него, а стало быть, и из поля надежно верифицируемых прикладных социологических исследований. Субъектные качества не дотягивают до экзистенциальных высот, в общем случае и не нуждаются ни в них, ни в наличии уникальности, но при этом становятся доступными для корректных, в той или иной степени, статистических описаний и их социологических интерпретаций. Социологическими мерами, в том числе количественными, корректно распознается как нижний уровень субъектности, где она граничит с посредничеством, так и ее верхний уровень, где она граничит с композицией личностных качеств. Сама же личностная композиция социологически корректно измеряется лишь на ее нижнем уровне, на рубеже с субъектностью.

О том, насколько высок верхний уровень субъектности – насколько он высок для индивида, социальной группы и общности, для той или иной сферы общественной жизни и практики, – можно достаточно адекватно судить по наличию и отсутствию ряда способностей у испытуемых и, разумеется, по тому, как будет проранжирована шкала этих способностей, относящая каждую из них то ли еще к субъектной, то ли уже к личностной характеристике. Одной из значимых является здесь способность к осознанному принятию решений. В формате качественных оценок субъектность высока, если указанная способность и ее реализация соотносятся именно с субъектной характеристикой, а не перемещаются этажом выше, в характеристику собственно личностную. Очерченный критерий и принимают в расчет авторы данной работы.

Проблема, которая, однако, остается и которую тут никак нельзя сбрасывать со счетов, заключается в том, что критериальное словосочетание «осознанное принятие решений» не избавлено от веера смысловых вариаций, оно далеко не однозначно. Так, мы по-разному можем понимать отношение между принятием решения и его осуществлением, выполнением. Допустимо толкование указанного отношения как синонимии, ведь само слово «решение» предполагает решимость – и не потенциальную лишь, а и актуальную, стало быть, предполагает действие по осуществлению принятого решения. Но во всяком действии, пусть и самом расчетливом по имеющимся у нас представлениям, всегда наличествует элемент спонтанности (а ее никакая мысль отследить не успевает) и доля иррациональности – как в части мотивов, так и в части последствий действий. У нас никогда не будет полной рационально удостоверяемой и эмпирически верифицируемой гарантии

касательно учета всех мотивов того или иного действия и, тем более, касательно предвидения всех его последствий. Разумеется, мы вправе и отклонить синонимию «принятия» и «выполнения» решения, допуская попутно отождествление принимаемого решения с делаемым выбором.

В итоге получим следующую картину. Одно дело – выполняемое сейчас или ранее выполненное решение: его ход и его ближайшие результаты уже невозможно отменить. Другое дело – принимаемое умом решение или умом же производимый выбор, но еще не вступающий в фазу практической реализации и позднее, даже в ближайший отрезок времени, могущий быть отмененным и переигранным. Наконец, еще вариант: не запрещено отграничение принятия решения и от его выполнения, и от выбора. Тогда феномен выбора оказывается предельно рациональным по своему характеру, а феномен принятия решения уже не таков. Помимо «выборной» компоненты, непременно связанной с рациональным взвешиванием вероятностей, он содержит в себе не сугубо рациональную и не сугубо «выборную» компоненту детерминации, связанную с тем, что применительно к индивиду и группе индивидов именуется словом «склонность»¹.

В интересующей нас предметной области субъектности персон и сфер общественной жизни социологический инструментарий даст минимальную погрешность, очевидно, при использовании его в замерах индивидуального и группового выбора – и при том дополнительном условии, что и без того рационально трактуемая выборная процедура (лишаемая в силу чего, скажем, смыслового пласта ответственности-безответственности с его всегдашним весомым иррациональным наполнением) без особых содержательных потерь редуцируется к перечню и ранжированию осознаваемых респондентами мотивов. Однако такого рода редукция сделает фактически неразличимыми интеллектуальные и поведенческие траектории субъекта и «умного» объекта (вещи с встроенным генератором алгоритмов), фигура же посредника – еще не объекта, но уже не субъекта – становится вовсе нераспознаваемой.

При проведении социологического исследования субъектности и ее меры не остается, однако, ничего другого, как только явно и неявно уравнивать комплекс ранжируемых мотивов с выбором, а тот с принятием решения, тем самым возвышая до него выборную процедуру, и надеяться на то, что иррациональный зазор между ними (который можно сократить, но не устранить полностью профессионализмом исследователя) не спровоцирует качественную ошибку. Ставя на один уровень принимаемое решение и выбор, переставая таким образом считать последний исключительно рациональным актом, мы заранее соглашаемся на дополнительную, количественно не эксплицируемую погрешность в результатах.

Итоговая, суммарная погрешность количественной социологической экспертизы субъектности – как, впрочем, и любой иной экспертизы, где в роли респондента выступает человеческий индивид, притязающий на статус субъекта или заранее этим статусом наделяемый, – складывается из двух компонент. Формальная, чисто статистическая и без труда исчисля-

¹ Авторская версия размежевания выбора и склонности представлена в работе [13].

емая компонента, индифферентная к предмету изучения, характеризует ситуацию не с субъектом как таковым, а с субъектом объективированным, заведомо усеченным. Содержательная компонента, обусловленная собственно субъектным (или близким к нему) статусом респондентов, не поддается исчислению и не ложится в пропорцию с формальной составляющей: снижение второй не гарантирует ни снижения первой, ни уменьшения суммарной погрешности. Стало быть, номинально количественное исследование субъектности фактически всегда оказывается исследованием полуколичественным.

Сразу внесем уточнение. Если для В. Вайдлиха и Г. Хага полуколичественная социология – *semi-quantitative sociology* – спецификой своей обязана постулируемому ими (и синергетической парадигмой в целом [14]) изоморфизму систем в естествознании и обществоведении [1; 15], а по сути, окончательной редукцией субъектного к объектному, то для нас, напротив, полуколичественная фактура методик и результатов, которыми оперирует прикладная социология, обусловлена принципиальной несводимостью исследуемого ею субъектного объекта к бессубъектному объекту физики и синергетики.

Применительно к человековключающим системам в эмпирически получаемом массиве данных значимы не столько абсолютные величины, сколько величины относительные, частично нейтрализующие итоговую погрешность. Прежде всего, понятно, имеет вес доленая (процентная) разница в соответствующих показателях, фиксируемых у социологически сравниваемых типов, которые априори намечаются рабочей гипотезой и удостоверяются (или не удостоверяются) апостериорной интерпретацией. Сформулированной позиции и держатся авторы настоящего текста, переходя к рассмотрению в философско-социологическом ключе профессионально-образовательных ориентаций студентов вузов в качестве одного из индикаторов субъектности в сфере образования.

Под индикатором субъектности понимается ансамбль качественных и количественных показателей, фиксирующих ряд намерений и действий индивидов и групп по реализации своих наклонностей и способностей.

Социологическая эмпирия и ее интерпретация

При выборе образовательной траектории современная российская молодежь чаще всего ориентируется на получение высшего образования. По данным Росстата, доля занятых на российском рынке труда, имеющих высшее образование, постепенно растет: за 20 лет она выросла в полтора раза и в последние годы стабильно превышает треть от всех занятых, составив 34,2% в 2019 г. [8] и 34,7% в 2021 г. [7]. Однако не все поступающие в вузы нацелены на работу по выбранной специальности в будущем: заметна индифферентная позиция части молодежи, выраженная в пассивности выбора профессии из-за ориентации на мнение социального окружения (родителей прежде всего), желания получить диплом, а не профессиональные знания, ухода от проблем (например, службы в армии, необходимости трудоустройства) [11].

Неактивная профессионально-образовательная стратегия немалой доли молодежи, стратегия, детерминированная некритично воспринимаемыми ценностями окружающей среды и давлением внешних обстоятельств, а не основанная на собственных склонностях и интересах, подтверждается и нашими эмпирическими исследованиями: как уже нашедшими отражение в публикациях [9], так и представленных своими результатами в настоящей статье. Аксиологические ориентиры в современном обществе крепко привязаны к удовлетворению материальной выгоды: получение образования является для молодых людей инструментом для обеспечения финансового благосостояния в будущем. Ключевой же тенденцией при осуществлении профессионального выбора является установка большинства юношей и девушек на достижение индивидуального успеха, главенствующим элементом которого материальное и выступает благополучие. Гарантия трудоустройства на места с хорошей зарплатой и высоким статусом становится для них основным фактором выбора профессионально-образовательной траектории, на что указывает анализ данных, полученных нами методом глубинного интервью [10]. Причем доход нередко оказывается важнее карьерного роста, не говоря уже об удовлетворенности содержанием трудовой деятельности – и это является естественным продолжением потребительской тенденции, доминирующей в нынешнем обществе.

Идентичность человека определяется сейчас не по характеру профессии и уровню мастерства в ней, а по характеру потребления. Во главу угла ставится упрощенно, прагматично трактуемый бодрийеровский стандарт нахождения в области символических ценностей – «кое-что сверх того», сверх необходимого [2]. Человек потребляющий не способен и не желает ни кардинального утверждения (содержательного производства и творчества), ни кардинального отрицания (нищезанского стремления к разрушению того, что отмирает слишком медленно). Потребитель, как подчеркнул французский мыслитель, удален от состояния праздника и коллективной экзальтации, он атомизирован и не склонен к подлинно осознанным действиям [2]. Эксплицированные Жаном Бодрийером черты потребителя широко пересекаются с чертами того социального типа, который авторами данного текста определяется как посредник. Посредничество не предполагает ни добросовестности операций, ни заботы об общественном благе, ни настороженности к нарастающему отчуждению. И неудивительно, что молодое поколение в значительном его сегменте выказывает сегодня соответствующий спектр предпочтений.

Выбор профессии под влиянием внешних обстоятельств и социального окружения, на основании сугубо прагматических мотивов, а не собственных склонностей с большой долей вероятности приводит к потере интереса и разочарованию в приобретаемой специальности и будущей профессиональной деятельности. Все чаще наблюдается неопределенность молодых людей в отношении самой будущей специальности – профессиональный выбор отходит на второй план, подменяясь образовательным, когда само поступление в вуз важнее получения ремесла. В то время как адекватное профессиональное самоопределение отличается, без сомнения, содержательным согласованием своих способностей и интересов со стратегическими, не сводимыми к голой конъюнктуре социальными запросами.

Совокупность факторов, определяющих интерес к будущей трудовой деятельности, постановку и достижение целей на пути к ней, является основой профессиональной мотивации. Мотивации на различных этапах профессионализации человека претерпевают изменения, трансформируются. При поступлении в вуз каждый выпускник школы должен определиться с направлением подготовки и конкретным учебным заведением, где планирует получить образование. В процессе обучения ему приходится принимать решение о продолжении образования по данной специальности, о трудоустройстве после окончания вуза, о месте дальнейшего обучения для повышения квалификации. Поведение молодых людей при принятии указанного комплекса решений, последовательность осуществленных выборов составляет их образовательную стратегию, выработка которой начинается с мотивации. Стоит отметить, что эта стратегическая линия редко формируется на основании только одного фактора-мотива, хотя, конечно, возможно наличие какого-то ведущего.

С целью изучения образовательной мотивации и профессиональных ориентаций молодежи было проведено полевое исследование «Мотивация выбора вуза и профессиональные стратегии нижегородских студентов» (2019 г. ¹), в котором приняли участие 858 студентов с 1 по 5 курсы очной формы обучения девяти ведущих вузов Нижнего Новгорода: классического университета, вузов инженерно-технического, экономического, медицинского и педагогического профилей. Метод сбора информации – анкетный опрос. Выборка целевая, репрезентативность обеспечивалась квотированием по половозрастным признакам в соответствии с существующей структурой выбранных высших учебных заведений.

Для математико-статистической обработки данных применялись инструменты программного пакета *SPSS Statistics*. В работе использованы факторные модели, позволившие получить типологические группы студентов по их мотивационно-ценностным ориентациям в контексте формирования и реализации профессионально-образовательных стратегий.

В результате были выделены пять групп студентов с различными мотивационными ориентирами при выборе вуза и направления подготовки; группы пересекаются между собой, допускается возможность нахождение респондентов в нескольких из них. Выделенные группы различаются по типу выбора профессионально-образовательных стратегий: 3 группы студентов с четким, *вполне осознаваемым* пониманием цели поступления в вуз – с ориентацией на преимущества профессии на рынке труда (21%), на преимущества получения высшего образования (23%), на реализацию собственных способностей и склонностей (31%); 2 группы с размытым, *не вполне осознаваемым* пониманием цели и с индифферентным поведением, связанным с отсутствием собственных стратегий – с ориентацией на косвенный ситуативный выбор, зависимый от других людей

---

¹ Сравнение данных 2019 г. с новейшими данными – следующая по очереди задача авторов. Решение ее не потребует уже содержательного обращения к теоретическим основаниям (достаточно будет формальной ссылки на них). В настоящем же тексте авторов особо интересует смычка представленной концептуальной матрицы с предметно очерченной социологической эмпирией.

и внешних обстоятельств (25%), на случайный выбор, проистекающий из неопределенности, несамостоятельности и неосознанности в отношении будущей профессии (23%).

Рейтинг ведущих мотивов получения высшего образования применительно к каждой из фиксируемых групп и выстраиваемый на основании анализа субъективных представлений молодежи о роли высшего образования в жизни приводится ниже (табл. 1). Для определения уровня согласия с тезисом здесь и далее, где указывается, используется коэффициент согласия, представляющий собой среднее арифметическое ответов по шкале: совершенно согласен (1 балл), в основном согласен (0,5 балла), в основном не согласен (-0,5 балла), категорически не согласен (-1 балл), затруднились ответить (0).

Таблица 1 (Table 1)

Мотивы получения высшего образования студентов (множественный выбор), коэффициент согласия

Motives for obtaining higher education of students (multiple choice), agreement coefficient

Мотивы	Выборка	Преимущества высшего образования	Преимущества рынка труда	Наклонности	Косвенный выбор	Случайный выбор
Хотят иметь диплом о высшем образовании	0,71	0,88	0,76	0,75	0,58	0,65
Хотят быть образованным человеком	0,69	0,87	0,77	0,82	0,56	0,49
Высшее образование позволит углубиться в интересующую их отрасль знаний	0,49	0,64	0,56	0,8	0,41	0,35
Высшее образование поможет сделать карьеру	0,46	0,84	0,59	0,52	0,33	0,38
С высшим образованием смогут найти подходящее место работы	0,41	0,81	0,52	0,5	0,36	0,34
С высшим образованием будут иметь больше возможностей хорошо зарабатывать	0,4	0,8	0,51	0,35	0,31	0,3
Хотят пожить студенческой жизнью	0,33	0,3	0,41	0,42	0,23	0,57
Высшее образование даст возможность реализовать свои способности	0,31	0,74	0,36	0,38	0,25	0,18
Высшее образование позволит заниматься сложной и интересной работой	0,3	0,74	0,37	0,43	0,19	0,15
Не хотят сейчас идти в армию	0,0	-0,34	-0,02	-0,07	-0,07	0,38
На получении высшего образования настаивали родители	-0,19	-0,21	-0,42	-0,41	-0,08	0,24
Хотят отложить время серьезного социального выбора (вступления во взрослую жизнь)	-0,25	-0,37	-0,3	-0,42	-0,23	0,24
Без высшего образования нельзя найти работу	-0,27	0,07	-0,32	-0,42	-0,22	-0,24

Для студентов с четкими, вполне осознаваемыми профессионально-образовательными стратегиями (с установкой на преимущества высшего образования, профессии на рынке труда и реализацию собственных склонностей) главными мотивами являются получение диплома о высшем образовании и желание стать образованными людьми (причем для третьей из перечисленных групп реальная образованность, что характерно, важнее номинального наличия диплома). По доминирующему в этих группах мнению, высшее образование позволит достичь успехов в жизни, реализовать индивидуальные способности, выстроить карьеру в интересной сфере деятельности, приносящей хороший доход.

Главные мотивы получения высшего образования у студентов с размытым, не вполне осознаваемым пониманием цели поступления в вуз и, соответственно, с индифферентным поведением (сегмент косвенного и случайного выбора) детерминированы несамостоятельностью принятия решения вследствие реализации амбиций ближайшего окружения, влияния внешних обстоятельств (например, представлений о престижности профессии или высоких заработках, географического месторасположения вуза, простоты поступления и обучения). Реже других они хотят стать образованными людьми, наличие диплома является для них аутентичной характеристикой полученного образования. Преобладает установка не на обретение знаний, а на возможность пожить студенческой жизнью, иметь отсрочку от армии, отложить время вступления во взрослую жизнь. В число наименее значимых причин получения высшего образования попадают трудовые и карьерные мотивы – чаще других данные студенты считают, что и без вузовского диплома можно найти достойную работу и сделать карьеру.

В ракурсе интересующего нас индикатора субъектности особо показательной в таблице видится строка «Высшее образование даст возможность реализовать свои способности». Бросается в глаза невысокая величина коэффициента согласия здесь для всей выборочной совокупности респондентов. Зафиксированный показатель (0,31) в полтора раза меньше, чем в строке о возможности сделать карьеру (0,46), и в два с лишним раза меньше, чем в строке о желании иметь диплом (0,71). Ориентации формального плана с очевидностью берут верх над ориентацией содержательной. Не самый высокий коэффициент согласия и у той группы студентов, в которой возможность реализации индивидуальных склонностей и способностей в процессе получения высшего образования соотносена именно с соответствующей приоритетной целью поступления в вуз (0,38), что почти вдвое меньше, нежели в той группе, где рассматриваемая возможность соотносена с установкой на преимущества высшего образования в целом (0,74). Ощутимая разница свидетельствует о том, что поддержке и развитию субъектности в вузовском образовании недостает конкретики (никоим образом не сводимой к увеличению числа узкоспециальных предметов – это тема отдельного разговора). Будь иначе, вместо 0,38 фигурировал бы показатель гораздо большей величины, ненамного меньше 0,74. Низкий, в сравнении с уже проанализированными, коэффициент согласия в этой строке таблицы для группы со случайным выбором профессионально-образовательных стратегий (0,18) не удивителен и не требует дополнительных комментариев.

Перейдем к разбору мотивов выбора конкретного учебного заведения в выделенных нами группах студенческой молодежи (табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Мотивы выбора вуза студентами (множественный выбор), %
Motives for choosing a university by students (multiple choice), %

Мотивы	Выборка	Преимущества высшего образования	Преимущества рынка труда	Наклонности	Косвенный выбор	Случайный выбор
В данном вузе есть интересующая специальность	48	55	53	55	35	31
Наличие бюджетных мест	43	48	34	48	43	56
Рейтинг вуза	41	49	46	49	39	48
Качество образования	39	50	55	50	41	31
Государственный вуз	35	47	35	47	27	42
Этот вуз престижен	34	40	41	40	33	27
Диплом этого вуза ценится на рынке труда	24	35	45	35	15	14
Удобное географическое расположение	22	23	19	23	15	27
Данный вуз дает высокопрофессиональную подготовку	21	26	37	26	25	9
Рекомендация родителей/друзей	21	21	20	21	25	26
Наличие общежития	18	10	7	10	10	25
Возможность индивидуального развития	17	23	19	23	20	14
В этот вуз проще поступить	13	13	12	13	10	27
Сюда поступают (здесь учатся) друзья	13	12	12	12	14	18
Расширение круга знакомств	12	6	13	6	13	20
В этом вузе развитая научно-исследовательская база	10	17	8	17	13	2
Хорошая реклама вуза	9	3	8	3	11	15
Наличие военной кафедры	6	6	5	6	6	9
Вам было все равно, куда поступать, главное – получить высшее образование	6	2	1	2	4	13
Продолжение семейной династии	3	3	2	3	10	1

Для студентов со вполне определенными образовательными и жизненными целями (с ориентацией на преимущества высшего образования, востребованность профессии на рынке труда и реализацию собственных наклонностей) большую роль при выборе учебного заведения играют: его рейтинг, качество образования по интересующей их специальности, высококачественная подготовка, ценность диплома данного вуза на

рынке труда. Для реализации своих целей и способностей они выбирают государственный престижный вуз с развитой научно-исследовательской базой и с большим наличием бюджетных мест.

Студенты с пассивными стратегиями, ориентированные на косвенные причины и случайный выбор, поступают в вуз, руководствуясь сторонним мнением (чаще всего, родителей), наличием в нем бюджетных мест и простотой поступления в него. Эти молодые люди определяются с местом своего обучения без опоры на собственные способности, соответствующие профессионально важным качествам. Чаще других они предпочитают образовательное учреждение на основе семейных традиций безотносительно сферы будущей трудовой деятельности. Желание обрести некие знания, но не профессию, реализовать внеучебные цели по расширению круга знакомств детерминирует выбор вуза у студентов со случайным выбором: для них характерно безразличие в вопросе, куда поступать, в расчет принимается чужое мнение, рейтинг и реклама учебного заведения, его географическое расположение и государственный статус. В образовательной стратегии этих молодых людей просматривается желание избежать жизненных сложностей (службы в армии, начала трудовой деятельности, столкновения с другими социальными задачами). Несамостоятельность, стремление уйти от ответственности за собственные решения приводит к непродуманному, случайному выбору профессии, неудовлетворенности учебным процессом и трудовой деятельностью в дальнейшем.

Однако, прежде всего, в плане уровня субъектности настораживает тут невысокий показатель в строке «Возможность индивидуального развития» для всей выборочной совокупности респондентов (17%). Он вдвое ниже соответствующего показателя престижности вуза (34%) и в два с половиной раза ниже показателя наличия бюджетных мест (43%). Да и корреляция между возможностью индивидуального развития в выбранном вузе с осознанной установкой студентов на реализацию своих наклонностей и способностей не впечатляет. В процентном отношении (23 против 14) она и вдвое не превышает степень сочетания возможности индивидуального развития со случайно вычерчиваемой образовательной траекторией.

Ожидаемо оптимистичнее ситуация с корреляцией между четкой ориентацией студентов на актуализацию своих наклонностей и способностей и выбираемым ими направлением подготовки в системе высшего образования (см. табл. 3). Коэффициент согласия здесь (0,87) более чем пятикратно превосходит соответствующий показатель для респондентов со случайно детерминируемой образовательной стратегией (0,15). Впрочем, и не только в силу малости последней величины, коэффициент согласия для всей выборки в выделенной строке все же не очень высок (0,43).

Результаты исследования показывают также, что студенты из групп с четкими целями поступления в вуз осознанно связывают направление подготовки с будущей профессией, которую считают своим призванием, вследствие чего, очевидно, и проявляют интерес к обучению. Причем для тех молодых людей, кто непосредственно ориентирован на актуализацию и совершенствование своих способностей, – аутентично субъектных

молодых людей – не столь важными оказываются престижность приобретаемой профессии, уровень заработка в ней и т. п. Это отличает данную группу от двух других с неразмытой профессионально-образовательной стратегией. И для всех трех отмеченных категорий студентов на последних местах в рейтинге мотивов стоит запасной вариант выбора направления подготовки (с меньшим проходным баллом ЕГЭ), не имеющего отношения к выбранному ранее.

Таблица 3 (Table 3)

Мотивы выбора направления подготовки студентов (множественный выбор), коэффициент согласия
Motives for choosing the direction of training for students (multiple choice), agreement coefficient

Мотивы	Выборка	Преимущества высшего образования	Преимущества рынка труда	Наклонности	Косвенный выбор	Случайный выбор
Здесь получают нравящуюся специальность	0,52	0,56	0,65	0,95	0,34	0,23
Надеются, что здесь будет интересно учиться	0,49	0,52	0,64	0,77	0,34	0,38
Хотят получить престижную специальность	0,43	0,55	0,84	0,59	0,36	0,21
Осознанный выбор, исходя из собственных интересов и склонностей	0,43	0,43	0,45	0,87	0,34	0,15
Здесь получают такую специальность, которая пользуется спросом на рынке труда	0,30	0,30	0,74	0,37	0,32	0,19
Хотят приобрести профессию, которую считаете своим призванием	0,29	0,33	0,50	0,80	0,2	-0,03
Эта профессия дает возможность хорошо зарабатывать	0,22	0,26	0,78	0,19	0,25	0,10
Выпускники этого направления подготовки делают успешную карьеру	0,15	0,23	0,65	0,22	0,23	-0,01
Ориентировались на результаты ЕГЭ	0,12	0,12	0,02	-0,20	0,09	0,55
Надеются, что здесь будет легче учиться, чем на других факультетах	-0,30	-0,38	-0,55	-0,53	-0,17	0,26
Выбрали по совету родителей	-0,31	-0,42	-0,27	-0,53	0,08	-0,16
Поступили на это направление подготовки при недоборе баллов ЕГЭ	-0,45	-0,60	-0,65	-0,75	-0,30	0,09

У юношей и девушек со случайно задаваемой профессионально-образовательной траекторией, напротив, фактор ЕГЭ, вместе с надеждой на легкость обучения, находится в числе приоритетных мотивов, обуславливающих предпочтенное направление подготовки. В целом эта группа отличается выраженным инфантилизмом: долгим выбором вуза и специальности,

частой сменой принимаемого решения, малой значимостью даже прагматичных причин получения образования, повышающих шансы на карьерный рост, социальное продвижение и материальное благополучие. Обе группы с нечеткой стратегией при решении вопросов о вузовском направлении подготовки и о будущей профессии находятся под воздействием разрозненных факторов, слабо связанных с содержанием трудовой деятельности.

Броским является различие в предпочтениях касательно намечаемой работы по профессии у аутентично субъектных студентов, с установкой на развитие своих склонностей и способностей в процессе обучения, и у студентов с размытой субъектностью (с дрейфом к полюсу посредничества), со случайным выбором вуза и специальности (см. табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

**Предпочтения студентов в отношении будущей сферы деятельности
(множественный выбор), %**

Students' preferences regarding their future field of activity (multiple choice), %

Сферы деятельности	Выборка	Преимущества высшего образования	Преимущества рынка труда	Наклонности	Косвенный выбор	Случайный выбор
Свой бизнес	22	21	27	18	18	21
Сфера здравоохранения, медицины	17	27	17	31	18	3
Средства массовой информации (телевидение, газеты, радио, Интернет)	16	19	12	11	13	24
Научная деятельность	14	19	12	24	19	11
Пока не могут сказать, в какой сфере хотели бы работать	11	2	6	4	10	17
Педагогическая деятельность в школе или вузе	10	12	7	18	10	15
Вообще пока не думают о работе	3	3	2	2	6	5

Первые в качестве приоритетного направления рассматривают труд в сфере здравоохранения и медицины, занятия наукой и педагогической практикой. Вторые планируют работать по преимуществу в средствах массовой информации или/и иметь свой бизнес, тогда как область здравоохранения для них наименее привлекательна (что, скорее всего, и к лучшему для потенциальных пациентов), а вот научная деятельность привлекает их лишь чуть меньше (11%), чем в среднем по выборке (14%), что вряд ли позитивно для перспектив отечественной науки (случайные люди поддержке и прорыву в ней никак не поспособствуют). Среди первых (с аутентичной субъектностью) минимальна доля тех, кто еще не определился с будущей сферой деятельности или вообще не думал о предстоящей работе. Среди вторых (с размытой субъектностью) неопределившихся ожидаемократно (вчетверо) больше. Схожая картина с неопределивши-

мися и в группе с косвенным выбором вуза и специальности: там таковых больше в два с половиной раза. У составляющих ее студентов фиксируются среднестатистические показатели в отношении будущей трудовой деятельности, свидетельствующие о приоритетной роли в жизни для этих молодых людей около- и внепрофессиональных факторов, а не собственно тех, что связаны с ремеслом.

Выводы

Уровень субъектности в сфере высшего образования определяется комбинацией показателей по двум составляющим: профессорско-преподавательской и студенческой. Менеджеры тут, как и везде, воспроизводят и тиражируют по преимуществу социальный тип посредника. Профессионально-образовательные ориентации студентов выступают надежным индикатором субъектности у обучающихся в учреждениях высшего профессионального образования. Фиксируемый там сегодня уровень субъектности, по оценке авторов данного исследования, ниже традиционно ожидаемого. И вряд ли вся вина лежит здесь на поколении, вступающем в самостоятельную жизнь. Пока общество благоволит не субъекту, а посреднику, трудно ждать чего-то иного и от института образования. Впрочем, статус субъекта предполагает, или даже обязывает, действовать и вопреки доминирующим социальным тенденциям.

Авторы выражают надежду на то, что поставленные исследовательские задачи решены. Был сделан, с нашей точки зрения, значимый шаг в выстраивании познавательной стратегии, продуктивно работающей в предметной области на пересечении проблем субъектности и профессионально-образовательных ориентаций студенческой молодежи. Эвристически значимым является произведенное концептуальное отграничение индивида как субъекта от индивида как личности, с одной стороны, и субъекта от посредника – с другой. Немаловажной в плане новизны видится инструментальная привязка авторского теоретического каркаса (с понятийно определенным индикатором субъектности) к эмпирическим методикам социологии. Полученные и прокомментированные фактические данные будут небезынтересны и институциям, и отдельным специалистам, имеющим отношение к социальным практикам в сфере высшего профессионального образования.

По итогам проведенного исследования нами сформулирован ряд обобщающих тезисов, обозначающих исследовательские перспективы обозначенной проблематики. Во-первых, целесообразно постоянно отслеживать динамику колебаний меры субъектности обучающихся в вузах. В частности, приводимые в тексте показатели последнего предковидного года сравнивать с соответствующими показателями постковидного времени. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что увеличение доли занятий в онлайн-формате, то есть в формате посредническом, негативно скажется на субъектной характеристике студентов. Во-вторых, имеет

смысл дополнить социологический инструментарий для конкретизации фигуры посредника. В-третьих, резонно распространить практику замеров уровня субъектности на систему среднего профессионального образования. Наконец, в-четвертых, следует в будущих исследованиях сфокусироваться на изучении уровня субъектности профессорско-преподавательского состава вузов и других учебных заведений. Ведь качество образовательного процесса напрямую обусловлено рангом субъект-субъектного взаимодействия обучающихся и обучаемых.

Библиографический список

1. Бачишин В. М., Разин П. В., Владимирова М. Б. Метод анализа текстов массового сознания (МАТЕМС) (на основе научного семинара Б. А. Грушина на факультете журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова 1983–1989 гг.) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 455–464. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.19; EDN: QEFFNI.

2. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структура / Пер. с фр. Е. А. Самарской. М.: Республика: Культурная революция, 2006. 268 с.

3. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020; EDN: BNSNDA.

4. Дебрэ Р. Введение в медиологию / Пер. с франц. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2010. 368 с.

5. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСПиМ, 2014. 548 с.

6. Образование в цифрах: 2023: краткий статистический сборник. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 132 с.

7. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2022. Стат. сб. М.: Росстат, 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2022.pdf (дата обращения: 22.12.2023).

8. Российский статистический ежегодник. 2020: Стат. сб. Раздел 5. Труд. Занятость и безработица. М.: Росстат, 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2020.pdf (дата обращения: 22.12.2023).

9. Ситникова И. В. Профессиональное самоопределение студенчества: мотивационно-ценностный аспект // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 2(58). С. 83–99. DOI: 10.21685/2072-3016-2021-2-9; EDN: APOXWA.

10. Ситникова И. В. Современное студенчество: особенности профессионального выбора // Мат. IX международной социологической Грушинской конференции «Социальная инженерия: как социология меняет мир», Москва, 20–21 марта 2019 г. / Отв. ред. А. В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2019. С. 304–308. EDN: ALBBOR.

11. Терентьев К. Ю. Образовательные стратегии российской молодежи: к построению типологии // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Социология. 2016. Вып. 2. С. 17–27. DOI: 10.21638/11701/спбу12.2016.202; EDN: YNLBUZ.

12. Фатенков А. Н. Субъект: парадигма возвращения // Человек. 2011. № 5. С. 5–20. EDN: OIXRST.

13. Фатенков А. Н. Феномен выбора под подозрением // Человек. 2016. № 3. С. 48–62. EDN: WKTZVR.

14. Хакен Г. Синергетика / Пер. с англ. В. М. Емельянова; под ред. Ю. Л. Климантовича, С. М. Осовца. М.: Мир, 1980. 404 с.

15. Weidlich W., Haag G. Opinion Formation – an Elementary Example of SemiQuantitative Sociology // Weidlich W., Haag G. Concepts and Models of a Quantitative Sociology: The Dynamics of Interacting Populations. Berlin; Heidelberg: Springer, 1983. P. 18–53.

Получено редакцией: 29.03.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Фатенков Алексей Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии; профессор кафедры социально-гуманитарных наук
Ситникова Ирина Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.9

Professional and Educational Orientations of Students as an Indicator of Subjectivity in the Field of Higher Education (On the Example of Universities in Nizhny Novgorod)

Aleksey N. Fatenkov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia;

Privolzhskiy Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia

fatenkov@fsn.unn.ru

ORCID: 0000-0001-8628-2413

Irina V. Sitnikova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

april@fsn.unn.ru

ORCID: 0000-0002-8138-3116

For citation: Fatenkov A. N., Sitnikova I. V. Professional and educational orientations of students as an indicator of subjectivity in the field of higher education (on the example of universities in Nizhny Novgorod). *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 132–150. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.9; EDN: GDNPL.

Abstract. The subject of research in this article is at the intersection of problem areas of subjectivity and the state of higher education in modern Russia. The authors strive to solve a twofold problem. Contextually, in a philosophical and sociological perspective, using the concept of “subjectivity indicator” and outlining its semantic boundaries, instrumentally link it with certain empirical methods and the factual data obtained from them related to the study of students’ professional and educational orientations. The area of subjectivity considered in this article borders

on the lower level with the area of mediation, and on the upper level – on the personal area. The authors provide arguments in favour of the fact that sociological tools can be correctly applied to the study of subjective, but not personal qualities. The nature of the error when measuring the level of subjectivity in individuals and in social groups is also clarified. In the field of higher education, the level of subjectivity is determined by a combination of indicators from two components: faculty and student. The professional and educational orientations of students, according to the authors, can be considered as a reliable indicator of subjectivity in a given social group. For the empirical basis of the article a field study conducted at universities in Nizhny Novgorod has been used.

Using a questionnaire survey, we studied the motivations of students at leading universities in the city regarding obtaining higher education, choosing a university and the direction of training, as well as preferences regarding their future field of activity. As a result of the analysis, five groups of students with different motivational guidelines were identified. Three groups with a clear, fully realised vocational and educational strategy: with a focus on the demand for the profession in the labour market, on the advantages of higher education as such, on the realisation of their own abilities and inclinations (the latter is defined by the authors as an “authentically subjective group”). And two groups – with a vague, not quite consciously built professional and educational trajectory (with a drift from the pole of subjectivity to the pole of mediation). As a result of the study, a conclusion was made that the level of subjectivity among modern students is not high enough, and the social reason for this insufficiency is indicated.

Keywords: subjectivity, level of subjectivity, indicator of subjectivity, sphere of education, student youth, professional and educational orientations of students, philosophical and sociological context

References

1. Bachishin V. M., Razin P. V., Vladimirova M. B. A method for analyzing mass consciousness texts (MAMCT) (based on a B. Grushin seminar at the Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, in 1983–1989). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2020: 1: 455–464 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.19; EDN: QEFFNI.
2. Baudrillard J. *The Consumer Society: Myths and Structures*. Transl. by E. A. Samarskaya. Moscow, Respublika: Kul'turnaya revolyutsiya, 2006: 268 (in Russ.).
3. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. *The Youth of Russia under the Lens of Sociology: Results of Years of Research*. Moscow, FNISC RAN, 2020: 688 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020; EDN: BNSNDA.
4. Debreu R. *Introduction to Mediology*. Transl. by B. M. Skuratov. Moscow, Praxis, 2010: 368 (in Russ.).
5. Konstantinovskiy D., Voznesenskaya E., Cherednichenko G. *Molodezh' Rossii na rubezhe XX–XXI vekov: obrazovanie, trud, sotsial'noe samochuvstvie* [Russian Youth at the Turn of XX–XXI Centuries: Education, Employment, Social Well-Being]. Moscow, CSP i M, 2014: 548 (in Russ.).
6. *Education in numbers: 2023: a brief statistical book*. Moscow, ISIEZ VSHE, 2023: 132 (in Russ.).
7. *Labour force, employment and unemployment in Russia (based on sample labour force surveys)*. 2022. Moscow, Rosstat, 2022. Accessed 22.12.2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2022.pdf (in Russ.).
8. *Russian Statistical Yearbook. 2020: Statistical Yearbook. Section 5: Labour. Employment and unemployment*. Moscow, Rosstat, 2020. Accessed 22.12.2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2020.pdf (in Russ.).
9. Sitnikova I. V. Professional self-determination of students: the motivational and value dimension. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*, 2021: 2 (58): 83–99 (in Russ.). DOI: 10.21685/2072-3016-2021-2-9; EDN: APOXWA.
10. Sitnikova I. V. Today's student population: the specifics of vocational choice. In IX International Sociological Grushinsky Conference «Social Engineering: How Sociology Changes the World», Moscow, 20-21 March 2019. Ed. by A. V. Kuleshova. Moscow, VCIOM, 2019: 304–308 (in Russ.). EDN: ALBBOR.
11. Terent'ev K. Yu. Educational strategies of Russian youth: Towards a typology. *Vestnik SPbGU. Ser. 12. Sotsiologiya*, 2016: 2: 17–27 (in Russ.). DOI: 10.21638/11701/cnby12.2016.202; EDN: YNLBUZ.
12. Fatenkov A. N. Sub'ekt: paradigma vozvrashcheniya [A Subject: Paradigm of Return]. *Chelovek*, 2011: 5: 5–20 (in Russ.). EDN OIXRST.
13. Fatenkov A. N. Choice: A phenomenon under a cloud of suspicion. *Chelovek*, 2016: 3: 48–62 (in Russ.). EDN: WKTZVR.

14. Haken H. Synergetics. Transl. by V. M. Emelynov. Ed. by Yu. L. Klimantovich, S. M. Osovets. Moscow, Mir, 1980: 404 (in Russ.).

15. Weidlich W., Haag G. Opinion Formation – an Elementary Example of SemiQuantitative Sociology. In Weidlich W., Haag G. Concepts and Models of a Quantitative Sociology: The Dynamics of Interacting Populations. Berlin, Heidelberg, Springer, 1983: 18–53.

The article was submitted on: March 29, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksey N. Fatenkov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Department of Industry and Applied Sociology; Professor of the Department of Social Sciences and Humanities

Irina V. Sitnikova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Industry and Applied Sociology